

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 годов

Н. Г. Обушенков

Дискуссия, развернувшаяся на страницах журналов «Вопросы истории» и «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», показывает, что проблемы Ноябрьской революции в Германии по-прежнему представляют большой научный интерес для историков нового и новейшего времени. Этот интерес в значительной мере объясняется ее исключительным своеобразием. Задачи, развитие, результаты этой революции, поведение в ней революционных масс заключали в себе так много действительной и кажущейся противоречивости, что это дает основания одним считать данную революцию буржуазной, другим — буржуазно-демократической, а третьим — пролетарской. (по крайней мере, на важнейших ее этапах). В ходе революции одновременно отчетливо проявлялись, с одной стороны, ведущая роль рабочего класса в развитии революционных событий, преобладание специфически пролетарских форм борьбы (политические стачки), стремление рабочего класса к социализму, революционный героизм рабочих, выдвижение социалистических лозунгов и даже создание Советов, а с другой — нерешительность большинства рабочего класса в постановке вопроса о власти, незначительные результаты революции. Черты, характерные для пролетарской революции, перемежались с чертами, характерными для революции буржуазной. И все это происходило в одной из наиболее развитых капиталистических стран, в XX в., в эпоху общего кризиса капитализма и пролетарских революций.

Одна из проблем в том и заключается: откуда в такой стране, какой была Германия в 1918—1919 гг., взялась буржуазно-демократическая или буржуазная революция, когда марксистами давно было признано, что вопрос об общедемократической революции умер в Германии после объединения страны¹, что на очередь дня в Германии встала социалистическая революция?

И в наши дни, через сорок лет после революции, чуть ли не общепринятым является мнение, что в Германии на очереди дня стояли задачи социалистической революции и что именно такая революция и назревала в Германии в годы войны.

Эта точка зрения нашла яркое выражение в статье В. И. Библика². Она находит известный отклик и в статье Я. С. Драбкина, хотя последний и считает, что «германская революция могла начаться прежде всего как революция... буржуазная».

Я. С. Драбкин пишет: «...в Германии объективно стояла на очереди социалистическая революция», «главная задача Ноябрьской революции заключалась в уничтожении в Германии основ капитализма, юнкерски-буржуазной государственной машины, в подрыве экономической мощи юнкерства в сельском хозяйстве»³.

При такой постановке вопроса о предпосылках и задачах революции ее буржуазный характер можно объяснить только одним: отсутствием субъективного фактора. Отсутствие субъективного фактора — вот тот главный и спасительный аргумент, который ликвидирует сразу всю противоречивость в оценке революции назревавшей и революции совершившейся. Нам кажется, однако, что простого противопоставления объективного и субъективного факторов и повторения тезиса о наличии в Германии развитых производственных и социально-экономических условий вместо изучения объективных

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 104.

² См. В. И. Библик. О своеобразии Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. «Вопросы истории». 1956, № 6, стр. 89.

³ Я. С. Драбкин. О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии. «Вопросы истории». 1956, № 5, стр. 78, 80, 81.

предпосылок революции совершенно недостаточно, чтобы делать вывод о «главной исторической задаче» революции.

В самом деле, что выдвигается в вышеназванных статьях в качестве объективных предпосылок социалистической революции? Я. С. Драбкин обращается к известному ленинскому тезису о том, что военно-государственный монополистический капитализм создал все материальные предпосылки для социализма⁴. В. И. Биллик называет целый ряд предпосылок социалистической революции в Германии, но из них только три момента могут подтвердить тезис, что в Германии на очереди дня стояла именно социалистическая революция. Это: 1) «наличие развитых производственных и общественно-хозяйственных условий», 2) «стремление пролетариата, поддерживаемого значительной частью интеллигенции и служащих, к социализму» и 3) влияние Октябрьской революции в России на революционную Германию⁵. Из объективных предпосылок здесь названы только наличие «развитых производственных и общественно-хозяйственных условий» и революционный кризис.

Нам думается, что вопрос об объективных предпосылках революции нельзя сводить к вопросу о производственных и социально-экономических условиях, что постановка вопроса об объективных предпосылках предполагает тщательный анализ конкретно-исторической обстановки, сложившейся в Германии к концу войны: экономических, социальных, политических, психологических условий жизни германского народа, и прежде всего расстановки классовых сил. В. И. Ленин подчеркивал в одной из своих работ, посвященных рассмотрению обстановки, сложившейся в России перед Октябрьской революцией, что единственно и а у ч н а я основа изучения предпосылок революции заключается в анализе расстановки классовых сил, соотношения классов⁶. Только в результате такого анализа можно ставить вопрос о задачах революции.

Итак, что же происходило в Германии к концу первой мировой войны? Какие взаимоотношения классов, какая расстановка классовых сил сложились в стране в этот период? Какие объективно-исторические задачи вставали перед германской революцией в этот момент?

Совершенно очевидно, что Германия была одной из наиболее развитых капиталистических стран, и в широком историческом плане, в масштабе эпохи в целом, перед ней стояла задача революционного превращения капиталистического общества в социалистическое. Об этом говорят развитое капиталистическое производство, острота классовых противоречий, наличие организованного промышленного пролетариата, боровшегося против капитализма, довольно высокий уровень этой борьбы.

Зрелость капитализма и резкое обострение всех капиталистических противоречий в годы войны создавали важнейшие объективные предпосылки для социалистической революции.

Наряду с этим в Германии вплоть до 1918 г. оставался нерешенным ряд вопросов буржуазно-демократической революции, ряд общедемократических задач, вытекавших из того, что в стране сохранялись феодальные пережитки, аграрный вопрос не был решен, политическая структура была отсталой и т. д. Война в значительной степени усилила значение общедемократических задач — ведь стараниями монополистов, юнкерства и реакционных генералов вся Германия была превращена в ходе войны в громадную казарму; народу, и в первую очередь пролетариату, был навязан военно-полицейский режим в экономике и политике.

Определяющими моментами в положении пролетариата стали хронический голод, принудительный характер и каторжные условия труда, исключительно низкая реальная заработная плата и полнейшее политическое бесправие рабочих.

В результате войны и милитаризации экономики произошел резкий перелом и в положении многочисленной мелкой буржуазии Германии, так называемого «среднего сословия» («Mittelstand»). До войны «среднее сословие» в Германии составляли миллионы мелких хозяйчиков, ремесленников, лавочников, имевших собственные «заведения», в которых они работали вместе с несколькими рабочими, подмастерьями, учениками. Война разорила большую часть этих мелких буржуа — сотни тысяч мельчайших предприятий ремесленного и полуремесленного типа были закрыты, их оборудование

⁴ Там же, стр. 78

⁵ См. В. И. Биллик. Указ. соч., стр. 89

⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 33—34.

реквизировано. Оставшиеся предприятия были зажаты в крепкие тиски «государственного регулирования» и часто влачили жалкое существование, не получая в нужном количестве ни сырья, ни заказов, ни рабочей силы. Используя государственный аппарат, монополисты систематически душили мелкую промышленность и ремесло.

Закон о трудовой повинности и система военного государственно-монополистического капитализма в целом несли рабство пролетариату и разорение мелкой буржуазии; это в известной мере объединяло интересы пролетариата и мелкой буржуазии в их борьбе против военно-государственного монополистического капитализма, против основы реакции в Германии — крупных финансовых монополий.

Немедленная ликвидация всех форм военного произвола одновременно с ликвидацией монополий, создавших режим военно-полицейского произвола и деспотизма, стала кровным делом не только немецкого пролетариата, но и мелкобуржуазных слоев общества, стала важнейшей самостоятельной задачей революции. Вопрос о ликвидации военного произвола и наказании его виновников — монополистов — выдвигался самой жизнью на первый план по сравнению, например, с задачей уничтожения капиталистических порядков.

Война внесла свои коррективы и в постановку аграрного вопроса в Германии. Концентрация земли в руках кучки крупнейших капиталистических собственников — юнкеров — привела в годы войны к тому, что продовольственный кризис превратился в голод и приобрел в 1917—1918 гг. характер и масштабы национальной трагедии, унесшей в могилу сотни тысяч людей. Аграрии срывали продовольственное снабжение населения, утаивая сельскохозяйственные продукты в целях спекуляции и скармливая зерно скоту. Государственные продовольственные органы вместо борьбы с подобной политикой юнкеров усиливали нажим на крестьянство, отнимая у него последние остатки продовольствия. Разоренное войной крестьянство страдало под бременем «военного регулирования», которое означало полуголодное существование, реквизиции и жандармские обыски, многочисленные штрафы и уголовные наказания, отсутствие всяких прав крестьянина на продукты его труда. Таким образом, и в деревне был установлен режим военно-полицейского произвола. Война безжалостно разоблачила всю призрачность прав мелкого крестьянина как независимого хозяина. В его хозяйстве распоряжался теперь ландрат, чиновник или крупный скототорговец. Крестьянину оставался только голодный паек, установленный государством для него и для его скота. Все остальное принадлежало государству. Крестьянин был фактически низведен до положения крепостного капиталистического государства. Поэтому первостепенное значение приобретало освобождение крестьянства от тяжких пут «военного регулирования».

В продовольственном кризисе и государственном регулировании крестьянского хозяйства проявились во время войны основные противоречия аграрных отношений в Германии. Крупное капиталистическое землевладение в погоне за спекулятивными прибылями превратилось в открытого врага всей нации, создавая угрозу не только для здоровья, но и для жизни широчайших народных масс. Объективное развитие привело к необходимости скорейшей ликвидации юнкерского землевладения в интересах всего народа.

Вплоть до самой мировой войны политические отношения в Германии были одними из самых отсталых в Западной Европе и сохраняли много феодальных пережитков. Милитаризация обогатила политическую систему страны новейшими «достижениями» монополистического капитала. Применение реакционного закона от 4 июня 1851 г. об осадном положении достигло такого размаха, о каком не могли и мечтать его авторы.

В стране свирепствовала военная диктатура. На основании закона об осадном положении вся исполнительная власть была передана в руки 26 генералов, командующих военными округами. Они как наместники императора имели право неограниченного вмешательства во все сферы общественной жизни. Фактически были ликвидированы почти все буржуазно-демократические свободы: союзов и собраний, слова, печати, ликвидированы гарантии свободы личности.

Усиление реакции и милитаризма вызывало дальнейшее ожесточение масс не только против юнкеров и монополистов, но и против государства, против монархии. Задача уничтожения монархии и завоевания политической демократии никогда еще не стояла так остро в Германии. Именно государство, именно монархию массы считали главными виновниками всех своих несчастий и направляли свой гнев прежде всего против них.

И рабочий, и крестьянин, каждый трудящийся повседневно сталкивались с законами или предписаниями кайзеровского правительства, с правительственными или полицейскими чиновниками, проводившими эти законы и предписания в жизнь, но далеко не всегда умели они разглядеть стоявших за этими законами и чиновниками монополистов и юнкеров. Поэтому они и направляли свой гнев прежде всего против юнкерско-буржуазного государства во главе с кайзером.

К важнейшим общедемократическим задачам революции — уничтожение всех проявлений военно-полицейского деспотизма и произвола в экономике и политике, ликвидация юнкерского землевладения, свержение монархии в Германии — добавлялась еще одна задача, имевшая громадное значение, — прекращение войны.

Подводя итог вышесказанному, мы должны отметить, что перед германской революцией в конце войны стояли как социалистические, так и общедемократические, буржуазно-демократические по своему характеру задачи. Окончательное же решение вопроса о соотношении общедемократических и социалистических задач в революции зависело от развития классовой борьбы, от расстановки классовых сил накануне революции и главным образом от степени зрелости пролетариата.

Естественно, что рассмотренное выше соотношение объективно-исторических задач определяло в значительной мере и расстановку классовых сил. Деревня, измученная войной и всей системой военно-полицейского насилия, стала колыбелью антивоенных, антимонархических и антигосударственных настроений. В 1917—1918 гг. почти во всей Германии крестьянство было охвачено глубоким возмущением, которое в отдельных местах перерастало в революционное брожение. С лета 1917 г. начались выступления против войны, против продовольственной политики, против государственно-монополистического капитализма и в кругах мелкой буржуазии. Средние слои из опоры реакции превращались в резерв революции. Революционное брожение проникло и в армию: солдаты стремились к прекращению войны и свержению монархии.

Война и резкое обострение всех капиталистических противоречий, нерешенность ряда буржуазно-демократических задач, специфические формы гнета монополий и юнкерства были причиной того, что в городах, деревнях и армии поднималась мелкобуржуазная революционная волна. Измученные войной пролетарские, полупролетарские и непролетарские (мелкобуржуазные) массы, не имевшие никакого опыта революционной, а часто и политической борьбы, весь свой гнев, всю свою ненависть направляли против монархии, против войны, против «крайностей» капиталистической эксплуатации, против ненавистных «военных» форм угнетения.

Прояснение сознания трудящихся тормозила и разлагающая работа оппортунистов. Годы господства оппортунизма в немецкой социал-демократии и ее открытый переход в лагерь империализма 4 августа 1914 г. имели громадные отрицательные последствия для революционного движения пролетариата. В результате всех этих факторов у германского пролетариата не было ясного понимания своих классовых задач в мировой войне, классовой сущности социал-шовинизма и каутскианского пацифизма, были широко распространены мелкобуржуазные иллюзии. Мелкобуржуазная волна захлестывала рабочий класс. Правда, передовые отряды рабочих — можно сказать, даже большинство организованных рабочих — мечтали о социализме, субъективно были готовы к борьбе за социализм. Но и они считали, что достаточно свергнуть монархию и установить буржуазно-демократический строй, создав социал-демократическое правительство, и развитие к социализму якобы пойдет само собой.

Таким образом, с одной стороны, глубина кризиса и характер противоречий поднимали, пробуждали к революционной, политической деятельности самые отсталые, самые апатичные, составлявшие в мирное время массовую опору крайней реакции слои, которые вносили в движение «свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки»⁷. С другой стороны, социал-шовинисты и социал-пацифисты принижали революционное рабочее движение до уровня буржуазного понимания своих задач, развращали его буржуазно-демократическими иллюзиями (чему способствовала и объективная обстановка). В итоге все потоки революционного движения сливались, несмотря на свою пестроту и разношерстность, в один, однородный в главном, мелко-

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 340.

буржуазный поток, направленный против войны и кайзеровской монархии.

При этом надо иметь в виду, что в Германии не было партии, которая могла бы изолировать социал-шовинистов и центристов, направить все потоки революционного движения на службу делу социализма, сплотить вокруг сознательного авангарда большинство народа на борьбу за завоевание диктатуры пролетариата.

Следовательно, линия размежевания классовых сил проходила в Германии к концу войны следующим образом: к пролетариату примыкали по своим интересам и в большей или меньшей степени по своим настроениям мелкое и среднее крестьянство и мелкобуржуазные слои города, объединенные общей враждой к войне, государственно-монополистическому капитализму, военно-полицейскому произволу и монархии. Им противостоял блок монополистов и юнкерства, за которыми стояли широкие слои немонаполизированной буржуазии, несмотря на все ее разногласия с монополистами и юнкерством.

Исходя из анализа конкретно-исторической обстановки в Германии, трудно согласиться с постановкой вопроса о главной задаче революции. Необходимо ставить вопрос о комплексе задач, во-первых, и о делении задач на ближайшие и последующие, во-вторых. Анализ обстановки, сложившейся в Германии к концу первой мировой войны, показывает, что в качестве ближайших задач германской революции вставали задачи буржуазно-демократической революции, которая должна была затем перерасти в социалистическую. Ликвидация монополий воплощала бы уже элементы такого перерастания.

Так, по-видимому, и понимали задачи Ноябрьской революции немецкие левые, которые на конференции в начале октября 1918 г. приняли своего рода программу-минимум, рассчитанную на буржуазно-демократический этап революции и ее последующее перерастание в социалистическую революцию. Роза Люксембург в статье о решениях этой конференции писала, что «первым призывом, первым этапом пролетарской революции должно быть: Германия — Республика»⁸.

Характерно, что и В. И. Ленин, получив известия о назревании революции в Германии, склонялся больше к такому пониманию перспектив немецкой революции. 22 октября 1918 г., за полмесяца до начала революции, он писал: «Это говорят все, знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а может быть, даже пролетарская революция»⁹.

Не случайно, конечно, В. И. Ленин с большой осторожностью говорил о пролетарской революции («может быть, даже») и без каких-либо оговорок — о народной.

Расстановка классовых сил и соотношение объективно-исторических задач, стоявших перед революцией, естественно, определяли и не могли не определять содержание классовой борьбы, а значит, и характер революционного движения.

События 4—11 ноября 1918 г. в Германии представляют собой, с нашей точки зрения, общенародное выступление во главе с пролетариатом за прекращение войны, свержение монархии, за демократические свободы. Об этом свидетельствует характер революционных выступлений и требований в большинстве крупнейших городов германской империи. Добившись удаления кайзера и местных династий и замены их социал-демократическими или коалиционными правительствами, революционные массы успокаивались, считая, что главное в революции сделано. Аналогичный характер носили и солдатские выступления как на фронтах, так и в расположенных в тылу гарнизонах. Солдатская масса, представлявшая все слои германского народа — и пролетариат, и крестьянство, и «средние слои» города, — решительно выступала за прекращение войны, за свержение кайзера, за ликвидацию всех военных тягот и мало помышляла о социализме. Значительная часть крестьянства и средних слоев города, активно участвовавшая в революционных событиях, отнеслась к революции весьма сочувствен-

⁸ «Spartakusbriefe», Oktober 1918, № 12, S. 191. В этом же выпуске «Писем Спартака» опубликованы и решения конференции «Спартака» от 1 октября 1918 года.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 95.

но, приветствуя в ней прежде всего прекращение войны и всех связанных с войной специфических форм эксплуатации, а также свержение ненавистного кайзера.

Однако это широкое демократическое движение имело и свои очень своеобразные черты, резко отличавшие его от всех предшествующих буржуазно-демократических движений. Прежде всего эта революция происходила в условиях, когда в Германии созрели материальные предпосылки для социалистической революции, когда ведущую и решающую роль в революционном движении занял пролетариат, накопивший уже большие революционные и социалистические традиции. Играя решающую роль в революции, немецкий пролетариат должен был наложить и действительно наложил на весь ход революции отпечаток своих требований, своих стремлений к социализму, своих форм и методов борьбы.

Уже в первые дни революции сказалось и своеобразное соотношение объективно-исторических задач, стоявших перед революцией. Рабочие, конечно, сознательно не разделяли задачи революции на ближайшие и последующие. Большая часть рабочего класса не могла в этот первый момент революции пойти дальше ряда демократических требований (вроде замены кайзеровского правительства социал-демократическим). Но передовые отряды рабочего класса, обладавшие наиболее развитым классовым самосознанием, с первых же дней революции стремились не только на словах, но и на деле решать задачи пролетарской революции (как это было, например, в Брауншвейге, Бремене и ряде других мест). Такие попытки были очень редки и ни в какой мере не могли определять характера всего революционного движения; однако они свидетельствовали о том, что даже в первые дни революции в отдельных местах передовые элементы думали о всем комплексе задач, стоявших перед революцией.

Следует также учесть, что буржуазно-демократическая революция в Германии произошла тогда, когда весь немецкий пролетариат находился под впечатлением Великой Октябрьской социалистической революции, ее успехов, лозунгов, требований и декретов, выражавших чаяния пролетариев всего мира.

Естественно, что в этих условиях германская революция не могла не облачиться в социалистические одежды, каково бы ни было ее внутреннее содержание. И она облачилась в эти одежды. Провозглашенная республика была объявлена социалистической, правительство этой республики считалось социалистическим и называлось Советом народных уполномоченных. В ходе революции широко применялись пролетарские формы революционной борьбы (всеобщая политическая стачка) и организации (Советы).

Однако ни наличие Советов, ни наличие специфически пролетарских форм борьбы не дают оснований утверждать, как это делает В. И. Биллик, что Ноябрьская революция началась как пролетарская или что ее первый период был периодом *восстания*¹⁰. Нам кажется, что В. И. Биллик переоценил внешнюю сторону революционных событий первых дней революции и роль Советов, что привело его к неправильной оценке первого периода революции и крайне противоречивой схеме всего революционного процесса (сначала пролетарская революция, потом буржуазно-демократическая, затем снова элементы пролетарской)¹¹.

Во-первых, для 4—11 ноября характерно как раз не восстание, а *всеобщая политическая стачка, демонстрация, реже — вооруженная демонстрация*. Во-вторых, мы ни в какой мере не можем согласиться с мнением В. И. Биллика, что «главный политический вопрос революции в целом: «Советы или буржуазный парламент?» — на этом, первом этапе революции был, хотя и временно, в известной мере решен в пользу Советов». Мы не можем согласиться с этим положением, даже принимая во внимание все оговорки автора («временно», «в известной мере»), тем более, что в другом месте В. И. Биллик присоединяется к точке зрения немецкого историка Марнон Айнхорн о существовании в Германии двоевластия¹².

Мы полагаем, что вопрос о власти в такой плоскости — пролетариат или буржуазия — вообще не был поставлен всерьез революционными массами рабочих и солдат в ноябре 1918 года. В ноябрьские дни был поставлен и решен революцией другой вопрос: о форме власти эксплуататорских классов (монархия или буржуазно-демократи-

¹⁰ См. В. И. Биллик. Указ. соч., стр. 91, 98.

¹¹ См. там же, стр. 98.

¹² Там же, стр. 91.

ческая республика) и о том, кто, какая общественно-политическая группировка и каким образом будет представлять интересы буржуазии и юнкерства у власти.

Почти повсюду революционные рабочие и солдаты требовали свержения монархии и создания республиканского социал-демократического или даже коалиционного с буржуазными партиями правительства. Об этом более всего свидетельствует пленарное заседание Берлинского совета 10 ноября, когда представители революционных рабочих и солдат, выбирая между Либкнехтом и Шейдеманом, предпочли Шейдемана.

Стремление к социализму, характерное для большинства немецкого пролетариата, оставалось бесплодным, пока рабочие считали Шейдемана и Каутского борцами за социализм. При таких обстоятельствах оно не могло на деле привести и действительно не привело к пролетарской постановке вопроса о власти, ограничив движение только борьбой за создание и созданием социал-демократического правительства, защищавшего интересы буржуазии. Иной постановки вопроса о власти в Германии и не могло быть до тех пор, пока рабочий класс не разобрался в мелкобуржуазной сущности социал-демократии.

Но, конечно, решение вопроса о власти в Ноябрьской революции не было характерным для обычной буржуазной революции. Революционные массы и прежде всего германский пролетариат оказали свое влияние на решение и этого вопроса. Об этом говорит тот факт, что вопрос о власти решали сами массы революционным путем, вырывая ее из рук кайзера и военной диктатуры и передавая на самый левый фланг в шеренге буржуазных партий. Да и создаваемая революцией республика в этот первый момент своего существования предоставляла рабочему классу максимум политической демократии, возможной в условиях буржуазной революции и буржуазной республики.

Наиболее ярким доказательством того, что массы ставили вопрос о власти демократически, является создание Советов. В этой связи встает вопрос: не являлось ли создание Советов как раз той классической постановкой вопроса о власти, которая характерна для пролетарских революций? И не здесь ли, в деятельности Советов, заключается решение спора о характере революции? В. И. Биллик отвечает на эти вопросы утвердительно¹³.

К сожалению, именно по вопросу о роли Советов, как и вообще по вопросам самостоятельности народных масс в Ноябрьской революции, в нашем распоряжении еще очень мало фактического материала. Тот же материал, которым мы располагаем, не дает оснований для выводов, к которым пришел В. И. Биллик.

Создавая Советы, революционные массы пытались противопоставить власти монарха и военной диктатуре идею своей собственной власти, осуществляемой Советами. Но что из этого получилось? Незрелость масс, буржуазно-демократические иллюзии и вера в социалистический характер социал-демократической партии привели к тому, что рабочие в Советах передавали власть главным образом представителям социал-демократической партии и реже — представителям независимой социал-демократии. В результате большинство Советов в крупных городах и гарнизонах поддерживало правительство и его политическую линию, превратившись в органы порядка; разумеется, нельзя забывать, что это были органы порядка, только что созданного революцией, что они осуществили ряд прогрессивных мер, выражавших требования революционных масс, не выходя при этом за рамки буржуазно-демократической революции.

Ярче всего революционная линия сказалась в деятельности низовых Советов, ближе стоявших к революционным рабочим и более отдаленных от высших партийных инстанций социал-демократии. Приводимый немецкими прогрессивными историками¹⁴ фактический материал свидетельствует, что многие Советы на местах являлись органами революционной инициативы рабочего класса. В ряде случаев они подчиняли себе полицию или даже создавали свою «красную милицию» из рабочих и брали в свои руки охрану порядка. В ряде мест Советы включили в сферу своей компетенции и вопросы продовольственного снабжения. Советы, как правило, брали под свой контроль мунци-

¹³ См. там же, стр. 98.

¹⁴ M. Einhorn. Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918 «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1956, № 3; W. Schumann. Zur Rolle der Räte in der Novemberrevolution in Oberschlesien. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1956, № 4.

ципальные органы, а иногда сами занимали их место. Многие Советы способствовали вооружению пролетариата. Значительную роль играли в своих частях и районах расположения многие солдатские Советы. Они самостоятельно решали жизненно важные для своих частей вопросы, пытались регулировать отношения между солдатами и офицерами, брали в свои руки дело демобилизации. Но, несмотря на большую революционную роль, эти Советы не были органами политической власти рабочего класса. Их самостоятельность, революционная инициатива проявились главным образом в сфере коммунальной, местного самоуправления. Они не поднимались до решения больших политических задач. Революционные по своему существу, эти Советы не посягали, да и не могли посягать на политическую власть в стране. Местные Советы зачастую вели постоянную борьбу с окружными, провинциальными Советами. В ноябре 1918 г. они еще не поднимали голос против социал-демократического правительства, а позднее — против решений I съезда Советов.

Мы не можем согласиться также и с мнением, что в Германии сложилось двоевластие. Двоевластие предполагает, что буржуазия делит с пролетариатом (то есть правительством с Советами) политическую власть, и не только на местах, в вопросах местного самоуправления, но и в центре. Такого положения в Германии не было. Большинство рабочих и солдатских Советов крупных городов и гарнизонов, выполнявших функции земельных, провинциальных и областных органов власти и полностью контролировавшихся социал-демократическими организациями, даже не имело своего собственного политического лица, отличного от политического лица социал-демократического правительства, поддерживая во всех решающих вопросах его политическую линию.

И тем не менее именно в Советах и в их деятельности заключается важнейшее доказательство демократичности революции, поскольку многие низовые Советы, особенно в промышленных городах и рабочих поселках важнейших индустриальных районов (например, Верхняя Силезия, Рур), и так называемые «дикие Советы», не признанные Советами крупных городов, тесно связанные с массами рабочих, имели свое собственное революционное лицо, отличное от политического лица вышестоящих Советов и правительства. Они выражали революционные стремления пролетариата на местах и проводили самостоятельную революционную политику, являясь чужеродным телом в системе государственной власти буржуазии. Эти Советы были хотя и слабым, но все же зародышем другой власти, враждебной буржуазии по самой своей природе.

Буржуазия могла пойти в революции и на создание республики, и на создание социал-демократического правительства, и на многое другое, но она не могла допустить существования Советов как органов творческой инициативы и самостоятельности пролетарских масс в революции. С точки зрения буржуазии, в создании революционными массами своих собственных революционных органов — Советов, как и в вопросе о вооружении пролетариата, революция пошла дальше, чем это могла допустить буржуазия. В этом и заключается один из признаков того, что Ноябрьская революция была не просто буржуазной, а буржуазно-демократической.

События 4—11 ноября, и по мнению Я. С. Драбкина, и по мнению В. И. Билика, являются первым этапом революции¹⁵. Далее начинается новый этап революции, который В. И. Билик датирует с 12 ноября, а Я. С. Драбкин — с середины ноября. Как же определяют они содержание этого этапа? В. И. Билик считает, что на смену пролетарскому периоду в революции приходит период буржуазно-демократический¹⁶. Я. С. Драбкин полагает, что в этот период, с середины ноября 1918 г. до середины января 1919 г., определялись и боролись два пути развития революции. В конце этого периода, по мнению Я. С. Драбкина, вопрос о власти был решен в пользу буржуазии, против пролетариата¹⁷.

После поражения январского выступления пролетариата и выборов в Националь-

¹⁵ См. В. И. Билик. Указ. соч., стр. 91; см. также Я. С. Драбкин. Указ. соч., стр. 83.

¹⁶ См. В. И. Билик. Указ. соч., стр. 98.

¹⁷ См. Я. С. Драбкин. Указ. соч., стр. 84, 86, 87.

ное собрание 19 января 1919 г. начинается третий период революции, который Я. С. Драбкин определяет как период гражданской войны, период, «когда буржуазия стремилась окончательно задушить революционное народное движение, учредить и закрепить буржуазную республику», а авангард пролетариата вел борьбу за перерастание революции буржуазно-демократической в социалистическую¹⁸.

Нам кажется, что эта периодизация, во-первых, недостаточно учитывает основные факторы, определяющие развитие революции, то есть прежде всего изменения в характере и целях революционного движения и вытекающие из этого изменения в расстановке классовых сил в ходе революции, и, во-вторых, приводит к некоторому смещению центра тяжести революционной борьбы немецкого пролетариата за власть с февраля — апреля 1919 г. на январь этого же года.

Если взять за основу главное — цели и характер революционного движения, а также расстановку классовых сил, — то, с нашей точки зрения, необходимо выделить только два периода в революции: период буржуазно-демократический и период перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую. Первый период продолжался, по нашему мнению, до конца декабря 1918 г., второй — с конца декабря 1918 — начала января 1919 г. приблизительно до мая — июня 1919 года.

В самом деле, что нового произошло в германской революции, в соотношении сил революции и контрреволюции, в отношении различных классов к революции, в постановке вопроса о власти на другой день после 11 ноября 1918 года? На каком основании следует считать, что с середины ноября начинается новый этап революции? Ведь не потому же только, что бурное стачечное движение сменилось относительным затишьем?

Действительно, после событий 4—11 ноября перед германским пролетариатом объективно встала, как ближайшая, задача завоевания власти. Несомненно и то, что эта борьба должна была развернуться вокруг Советов. Но это еще не значит, что пролетариат начал эту борьбу сразу же после ноябрьских дней. Ход событий показывает, что борьба за власть Советов в Германии развернулась позднее, в конце декабря 1918 — начале января 1919 года. А в ноябре — начале декабря 1918 г. в революционном процессе происходили лишь количественные изменения; революционная инициатива, как правило, не переходила за рамки буржуазно-демократической революции. Как раз в это время местные Советы и развернули ту деятельность по контролю за администрацией, по организации продовольственного дела и наведению порядка и кое-где по вооружению рабочих, о которой мы писали выше.

Было бы неверно считать, что развитие революции шло одним широким фронтом даже в первые дни. С самого начала в этом развитии выделялась радикальная демократическая тенденция (приобретая в отдельных случаях даже пролетарский характер), которая проявлялась и в деятельности многих местных Советов, и в вооружении рабочих, и в требованиях солдат, и в ряде других моментов. В то же время с первого часа революции имела место и другая тенденция, направленная на свертывание революционной инициативы рабочего класса, на максимальное ограничение демократических преобразований. Революция развивалась в противоречиях с самого начала, а не только с 12 ноября. Но эти противоречия не принимали характера открытой борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом. Такая борьба еще предстояла.

Вокруг Советов борьба действительно развертывалась, но это еще не была борьба за политическую власть в стране. С одной стороны, Советы боролись за контроль, за расширение своих функций, не посягая на всю власть; с другой стороны, правительство и за ним вся контрреволюция шаг за шагом вели наступление на Советы, пытались лишить их революционных функций и превратить в придаток правительственного аппарата. Социал-демократические «законные» Советы повели борьбу за ликвидацию «диких Советов». Что касается вопроса: «Советы или Учредительное собрание», то пролетариат отказывался от такой постановки вопроса и, не принимая борьбы, молча соглашался на передачу власти Учредительному собранию. Вплоть до открытия съезда Советов в Германии не было ни одного массового выступления против Учредительного собрания. Решения съезда Советов только оформили то, что было фактически решено ходом борьбы в ноябре 1918 года.

Солдатская масса в этот период продолжала революционизироваться и играть

¹⁸ Там же, стр. 87; см. также В. И. Библик. Указ. соч., стр. 95.

роль союзника рабочего класса. Значительные слои крестьянства и мелкой буржуазии города по-прежнему сочувствовали революции. Буржуазные и мелкобуржуазные партии становились на сторону свершившейся революции и спешно перестраивались, принимая новые программы и новые названия. По существу, в конце ноября — начале декабря 1918 г. (по сравнению с периодом 4—11 ноября) не происходило серьезных, глубоких изменений ни в целях, ни в характере революционного движения, ни в расстановке классовых сил, ни в постановке вопроса о власти.

За решение вопроса: «Советы или Учредительное собрание, пролетариат или буржуазия», — по сути дела, пока никому было бороться, потому что пролетариат еще не принял и не мог принять этой борьбы. Социалистические слова и фразы по-прежнему не претворились в жизнь. И только к концу этого периода в развитии наметились новые моменты, новые черты. Началась стачечная борьба рабочих в Верхней Силезии и Руре. Правда, в декабре в нее вступили еще только десятки тысяч человек, и эта борьба носила экономический характер, но она уже знаменовала собой первые признаки нового подъема классовой борьбы. Если в первые дни революции, на буржуазно-демократическом этапе ее развития, уже давали себя знать социалистические задачи, то в дальнейшем они стали оказывать все большее влияние. На сотнях и тысячах примеров рабочих классов убеждался в том, что не только экономика, но и вся политическая власть находилась в руках буржуазии. Его иллюзии начали постепенно развеиваться, в передовых отрядах рабочего класса назревало стремление продолжить борьбу за конечные цели революции. К концу декабря 1918 г. складывается иная расстановка классовых сил. Рабочий класс, вернее, его передовые отряды повели борьбу за социализм и за передачу всей власти Советам. 16 декабря 1918 г. в Берлине уже 250-тысячная демонстрация проходила под лозунгом «Вся власть Советам!».

В то же время контрреволюция, оправившись от первого потрясения, провела перегруппировку сил и приступила к созданию новой «добровольческой» армии. Первые столкновения в начале декабря и в особенности «кровавый сочельник» в Берлине показали, что буржуазия решила начать наступление на демократические завоевания ноябрьских дней. Классовая борьба в конце декабря 1918 г. быстро поднималась на новую ступень. Отражением этих процессов были изменения и в политической жизни и в деятельности партий. «Независимые» не могли больше оставаться в правительстве, боясь окончательно скомпрометировать себя в глазах революционных масс; внутри их партии назревала кризис. В это же время была создана в ходе революции Коммунистическая партия Германии, поставившая своей ближайшей целью установление диктатуры пролетариата. Характерно, что в докладе на Учредительном съезде партии Р. Люксембург отмечала, что первый этап революции, который она называла политическим, кончился 24 декабря, а в дни съезда начался новый этап революции, содержанием которого являлась борьба за социализм¹⁹.

Этот новый этап и открывается, с нашей точки зрения, «кровавым сочельником» и январскими событиями в Берлине и во всей Германии. В оценке значения и места январских боев в германской революции мы несколько расходимся с Я. С. Дабкинским и В. И. Билликом. Если оба они считают, что январские события являются концом предшествующего периода, решившим вопрос о власти в пользу буржуазии и изменившим соотношение сил в революции, то мы считаем, что январские события в первые четко поставили вопрос о власти в новой плоскости: «Вся власть Советам!», — что они были первым серьезным выступлением пролетариата. С этой точки зрения январские события принципиально отличались от всех предшествующих выступлений пролетариата в Ноябрьской революции.

Именно в январе передовой авангард пролетариата не на словах, а на деле начал борьбу за социализм. Но поскольку и на данном этапе революция развивалась стихийно, то социалистические требования не всегда были четко выражены. Борьба за социализм теснейшим образом переплеталась с борьбой за демократические достижения Ноябрьской революции, потому что как раз в это время, в конце декабря 1918 г., буржуазия начала систематическое наступление на демократические достижения Ноябрьской революции, за упрочение буржуазной республики.

¹⁹ «Bericht über den Gründungsparteitag KPD (Spartakusbund) vom 30. Dezember 1918 bis 1. Januar 1919». Berlin, 1919, S. 33.

Пролетариату действительно принадлежала инициатива в развитии революционных событий в январе — мае 1919 г. (и в этом мы согласны с В. Ф. Шелике²⁰), но это не означает, что контрреволюция пассивно ожидала очередного выступления пролетариата. Статья В. Ф. Шелике, с нашей точки зрения, совершенно не учитывает того, что и контрреволюция начиная с декабря 1918 г. перешла от обороны к наступлению. Достаточно свидетельств этому дают мемуарная литература и другие источники.

Огромные демонстрации 5 и 6 января 1919 г. в Берлине прошли под лозунгом «Вся власть рабочим и солдатским Советам!» с требованием свержения социал-демократического правительства. Под этими же лозунгами развернулась и вооруженная борьба в Берлине в последующие дни. В Бремене в ходе вооруженной демонстрации 10 января 1919 г. были провозглашены диктатура пролетариата и социалистическая республика Бремен. Выступления против правительства имели место в эти дни в Штутгарте и Лейпциге. В Дюссельдорфе в ходе острой классовой борьбы с 8 по 11 января революционные рабочие разогнали полицию, захватили в свои руки управление городом. В конце декабря — начале января в Верхней Силезии и в Рейнско-Вестфальском уральном бассейне рабочие начали стихийную борьбу за социализацию. Рабочие пытались явочным порядком социализировать шахты, не дожидаясь решений не только правительства, но и ими же созданных комиссий. 10 января 1919 г. Эссенский совет вынес постановление: занять помещение Угольного синдиката и союза горнопромышленников и направить туда контрольные комиссии. В эти же дни в ряде городов Рурского бассейна произошли демонстрации и волнения горячков с требованиями социализации и передачи власти Советам.

Все эти выступления свидетельствовали, что именно в тот период, на рубеже 1918—1919 гг., в революционном движении происходил решающий перелом. Не только власть буржуазии, но и основа этой власти — средства производства — стала непосредственным объектом классовой борьбы буржуазии и пролетариата. Тот факт, что рабочие Берлина были спровоцированы на борьбу, ничего не меняет в характере этой борьбы. Ничего не меняет в характере борьбы и то обстоятельство, что в последующих классовых битвах социалистические требования не всегда были ясно и четко выражены.

Периодизация, предложенная Я. С. Драбкиным и В. И. Билликом, с нашей точки зрения, не учитывает в полной мере именно этих, качественных изменений. И Я. С. Драбкин и В. И. Биллик объединяют в один, промежуточный, по существу, этап борьбу вокруг Советов в ноябре — первой половине декабря, происходившую в рамках буржуазно-демократической революции, и борьбу за власть Советов, начавшуюся с конца декабря — начала января и вышедшую уже за пределы этих рамок.

Между тем к январю 1919 г. изменилась расстановка классовых сил в стране. Теперь, когда лозунгами революции стали «Вся власть Советам!», «Социализация!», средние слои города, крестьянство и часть рабочего класса отошли от революции. Старой революционной армии к этому времени уже не существовало, так как революционные солдаты разошлись по домам. Теперь пролетариату противостояла армия контрреволюционная, созданная на добровольческой основе германскими белогвардейцами. За перерастание революции боролся только авангард пролетариата. Против него — весь государственный аппарат, вся буржуазия, все буржуазные партии, включая и социал-демократию, все классы.

С нашей точки зрения, Я. С. Драбкин переоценил глубину поражения рабочего класса в январе 1919 года. Рабочий класс действительно потерпел поражение, реакция действительно еще больше консолидировала свои силы, проведя выборы и созыв Учредительного собрания. Но это было частное, временное поражение, и оно ни в коем случае не дает поводов для вывода, что в результате этого поражения и последующих выборов в Учредительное собрание «коренной вопрос развития революции — власть Советов (то есть власть рабочего класса) или Учредительное собрание (то есть власть буржуазии) — был решен в пользу последнего», а после этого наступил период, «когда буржуазия стремилась окончательно (разрядка наша. — Н. О.) задуть революционное народное движение»²¹. Последующие события показали, что в феврале, марте и апреле 1919 г. вопрос о власти стоял намного острее и серьезнее, чем в январе.

²⁰ В. Ф. Шелике. О некоторых проблемах революции 1918—1919 гг. в Германии. «Вопросы истории», 1956, № 12.

²¹ Я. С. Драбкин, Указ. соч., стр. 87.

Начавшись в конце декабря 1918 г.— начале января 1919 г., революционное движение расширялось и углублялось с каждым месяцем. Во второй половине февраля — начале марта почти вся Германия была охвачена пламенем гражданской войны. Борьба бастовавших рабочих Рура за социализацию предприятий нередко сопровождалась вооруженными столкновениями революционных рабочих с правительственными войсками. Не успела закончиться стачка в Руре, как пришла в движение вся Средняя Германия. И здесь в центре борьбы стояли требования социализации горной промышленности, рабочего контроля в остальных отраслях как подготовительной меры для социализации и признания Советов. Революционная волна охватила Саксонию, Баден, Баварию и, наконец, Берлин. Берлинские рабочие требовали прежде всего признания рабочих и солдатских Советов, создания революционной рабочей армии.

Наконец, начавшаяся в январе 1919 г. в Берлине революционная волна достигла наибольшего подъема в апреле 1919 года. Баварская Советская Республика не была, конечно, «последним славным отголоском»²², как считает В. Ф. Шелике. Она не просто в локальном масштабе повторяла предшествующие события — она с наибольшей ясностью и глубиной показала действительный смысл и содержание гражданской войны в Германии весной 1919 г. как войны за власть Советов и диктатуру пролетариата. Баварская Советская Республика — закономерное продолжение классовой борьбы, начавшейся в январе 1919 г., наиболее яркая вспышка этой борьбы. Она не изолированное явление в истории Ноябрьской революции, а была подготовлена всем предшествующим ходом классовой борьбы.

Не случайно поэтому одновременно с событиями в Баварии всеобщая политическая стачка охватила Рур, где до этого никогда еще не было такого мощного движения. Участие рабочих в стачке доходило почти до 100%. Она продолжалась с 1 по 24 апреля 1919 года. Бастовавшие шахтеры требовали социализации горной промышленности, признания советской системы, образования революционной рабочей армии, признания «гамбургских пунктов», регулирующих взаимоотношения солдат и офицеров в армии, 6-часового рабочего дня. 8 апреля 1919 г. началась всеобщая стачка в Брауншвейге, проходившая под лозунгами «Вся власть рабочим Советам!», «Социализация!», «Устранение правительства Эберта — Шейдемана — Носке!», «Вооружение пролетариата!».

Только с поражением Баварской Советской Республики и сопутствовавших ей мощных выступлений рабочего класса в других районах Германии, а не с поражением берлинского пролетариата в январе 1919 г., был, наконец, решен вопрос о власти, вставший в январе — апреле 1919 г. совсем иначе, чем в ноябре — декабре 1918 года. Что касается выборов в Национальное собрание и их места в Ноябрьской революции, то они, по нашему мнению, означали, с одной стороны, и это главное, — законодательное закрепление результатов первого периода революции, передавшего власть из рук монархии в руки буржуазии. И с этой точки зрения вопрос о власти был решен окончательно. С другой стороны, они означали победу буржуазии в ее первой схватке с пролетариатом за власть. И с этой точки зрения они совсем не говорили о том, что уже 19 января вопрос о власти был решен в плане — пролетариат или буржуазия.

Поражение Баварской Советской Республики остановило процесс развития революции во всей Германии. С этого момента революция резко пошла на убыль. В мае и даже в июне 1919 г. было еще несколько выступлений рабочего класса, но они уже не имели той глубины и размаха, которые приняло движение января — апреля 1919 года. Эти локальные выступления и являются концом революции.

Революционные события с ноября 1918 г. до лета 1919 г. мы рассматриваем как единое целое. Мы считаем, что под Ноябрьской революцией следует понимать непрерывный революционный процесс, целый революционный период, состоявший из ряда экономических и политических боев рабочего класса не только за ближайшие задачи, но и за весь комплекс объективно-исторических задач, вставших перед Германией в конце первой мировой войны. Сведение Ноябрьской революции к выступле-

²² См. В. Ф. Шелике. Указ. соч., стр. 72.

ниям 4—11 ноября 1918 г.²³ или даже к революционным событиям ноября — декабря 1918 г. искусственно отрывает борьбу германского пролетариата и его союзников за ближайшие задачи революции от последующей борьбы. В результате получается, что из революции исключаются наиболее яркие выступления рабочего класса Германии, имевшие место в начале 1919 г., а характер всей революционной борьбы получает неправильное освещение.

Революционные выступления 1919 г. теснейшим образом связаны с революционной борьбой немецкого пролетариата в ноябре 1918 года. Результаты ноябрьских дней определяли необходимость революционной весны 1919 года. Ибо, с одной стороны, еще далеко не были исчерпаны революционные потенции рабочего класса, созданные революционным кризисом в конце войны, с другой стороны, такие демократические достижения Ноябрьской революции, как вооружение части пролетариата и создание революционных Советов во многих районах Германии, ни в коем случае не могли сохраниться и существовать в буржуазной республике. Революция должна была либо сделать шаг назад, отказавшись от этих неприемлемых для буржуазии демократических достижений, либо — шаг вперед, чтобы закрепить их, но уже на новой основе, на основе пролетарской демократии. Остановиться на месте она не могла, ибо была не просто буржуазной, а буржуазно-демократической революцией.

Своеобразие Ноябрьской революции вытекает из того, что она происходила в условиях общего кризиса капитализма, в условиях, когда основной движущей силой революции мог быть только пролетариат, и в то же время в такой исторический момент, когда пролетариат не имел своей собственной революционной партии.

Рабочий класс Германии являлся не только основной движущей силой революции, но и ее ведущей силой. Революция обязана рабочему классу и своими демократическими достижениями на первом этапе и своим дальнейшим развитием. Слабость рабочего класса объясняется в первую очередь и слабость революции — и постановка вопроса о власти, и господство стихийности, и разрозненность пролетарских выступлений весной 1919 года. В первый период революции рабочий класс был впереди всех, отстаивая интересы всего народа, увлекая за собой всех своими героическими выступлениями против войны и монархии. И в дальнейшем рабочий класс двигал революцию вперед от этапа к этапу, до конца сохраняя за собой ведущую роль.

Именно благодаря решающей роли рабочего класса Ноябрьская революция была воспринята современниками как серьезный удар по всей системе империализма в Германии. Именно поэтому она заставила монополистов и юнкеров в течение нескольких месяцев дрожать за свою власть, за свое богатство, заставила их с лихорадочной поспешностью создавать контрреволюционную армию и с оружием в руках защищать свою буржуазную республику и власть. Ноябрьская революция потрясла здание империалистической Германии.

Стихийность революционного движения на всем протяжении революции, мелкобуржуазные иллюзии рабочего класса, расхождение между словом и делом, формой и содержанием объяснялись тем, что социал-демократия систематически тормозила развитие революционной инициативы рабочего класса, распространяла в нем мелкобуржуазную идеологию, извращала его волю и сумела расколоть рабочий класс на втором этапе революции. В то же время «Союз Спартака», а тем более организация «революционных старост» в Берлине не смогли сыграть роль партии, которая возглавила бы революционный натиск масс. Не могла этой задачи выполнить и только что созданная тогда коммунистическая партия. Незначительные результаты революции объясняются главным образом стихийностью революционного движения, расколом рабочего класса, отсутствием революционной массовой партии. Лишенный руководства, рабочий класс не только не смог осуществить пролетарскую революцию, но и не сумел закрепить те достижения, которые были одержаны в ноябре 1918 года. Однако этот факт ничего не меняет в характере революционной борьбы, развернувшейся в Германии в ноябре 1918—мае — июне 1919 г.; он говорит только о том, что соотношение сил в ходе этой борьбы сложилось не в пользу рабочего класса и социалистической революции.

²³ См. Г. Ф. Заставенко. Дискуссия на кафедре новой истории. «Вестник МГУ». 1954. № 7.